

ЛЮДСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

§§ 1, 2, 3, 4

Радуйтесь, хоть и недолго вам жить,
Милейшие люди,
Дорогие мои товарищи
По жизни и смерти.

В этом до звёзд налитом мире
Следует во всё как можно шире:
Внюхаться по сон,
Вглядеться по aberrацию,
Вслушаться по сердце,
Вдуматься по память,
Вжиться по уши.

Тем более что перечисленное
Столь же безобидно
И заразительно,
Сколь дышать.
«Откуда видно»...
...Это прямо поразительно!..
«...Что и требовалось доказать».

§§ 1, 2, 3, 4

«Я, де, мол, старательно расчерчу,
Что ты тут передо мной ни развесь».
Развешиваю. Подавись. Чересчур
Окно, чересчур небо, чересчур здесь,

Чересчур пригоршней
Света оттопырен рельеф;
Глазами выкрашенный выброшен
Человек каких-то лет.

Тихо идет, голову опустив,
Руки в боки,
Точно мир акустически –
Безукоризнен, темой – глубок.

Уравновешенная сложность
Откровенна, будто вопит,
Что на нее открывается
Всевозможнейший вид.

Наскаивает на тень,
Отставшую от девицы
Вывихнутым крылом
Подстреленной птицы.

Свежо упирается подошвой
В живое оперенье земли,
В день до чрезмерности хороший,
Присутствующий наподобье семьи.

Гораздо проще
И сложней в сто раз
Нечто вроде рощи
Распределяет контраст.

Следовательно тут
Колтун орешника над травой,
Копотью мошкary цветут
Запахи, гудящие над головой
Того, кто только что пройдя
Поломал безмолвную ветку,
Травинку покусал; а немного погодя
Еще набуйствует, как спокон веку.

§§ 1, 2, 3, 4

Мы не из той породы, что склонна
Сахарить губы любимому;
Не к чему нам на земле зелёной
Индивидуализировать нелюдимость;
Да и пристало ль нам экономить
До крови вкуснейшие губки,
Вспоминать, забывать иль помнить
Чы бы то ни было поступки?

Нет, нам этого не пристало.

Зато видим, что оправляется удивленная трава,
Что по промятому следу
Еще животные следуют,
Что облысевшей землёй льётся тропа.

§§ 1, 2, 3, 4

Рабочий, интеллигент, крестьянин,
Мужского и женского рода,
С индифферентными придатками семей и детьми;
Всякое вокруг удобное расстоянье
И елико возможная погода
Бот каким представляется нужным
Видеть мир.

Рабочий, крестьянин, служащий, ученый, творец,
Движенем тела иль мысли излагающий сознанье,
Мир вами растормошён вконец,
Вы, так сказать, его знамя.

Зубная и прочие щётка, гребёнка, мыло, вода,
Зеркало, бритва, пудра, помада, духи,
Шапка, фуражка, картуз, шляпа, шляпка, платок,
Шуба, куртка, пальто, доха, тулуп, непромокашка,
Шарф, кашне, калоши, валенки, боты, сумка,
портфель,
Штиблеты, сапоги, башмаки, полуботинки, туфли,
Брюки, юбка, кофта, блуза, толстовка, пиджак,
рубаха,
Платье, костюм, чулки, носки, подштанники,
сорочка, панталоны,
Пояс, галстук, воротничок, подтяжки, лифчик,
бюстгальтер, подвязки,
В чем, мать, родила, кожа да кости, говядо.

§ 5

По полю идет молодой человек.
В траве свиристят кузнечики.
Он размечтался о зубовном жемчуге
И прочих обстоятельствах любезных нег.

А у женщины они заболели (т.е. зубы):
Флюс, плюс приехал из города брат.
Кусая приготовленные для поцелуев губы,
Мрачен любитель, дню не рад.

§ 6

Хочется дышать ей,
Наблюдать расположенье

Возникающих объятий
И всяких осложнений
С ней, голой, как сыр,
Желанной изо всех сил.

Каждый бы попросил
Именно такой мир.

Нам просить не честь,
Ежели он есть.

§ 7

Она живет на доходы мужа.
Обед посвистывает на примусе.
Повечерело настолько, что ужас
Проступает на ней без примеси:

Вот-вот небрежно и резко
Навернётся так называемый деспот
И, вздуваясь, как нетрезвое тесто,
Зачнёт ежедневное побрезгиванье:

Но есть любовник молодой.
Завтра проводит с рынка.
Ощипет как курицу. Холодком
Потрагивается женская спинка.

§ 8

Добела раздувая небеса,
Солнце валит пресную силу
В вылупленные глаза летнего дня.

На экваторе нашей долготы
Всё б сейчас попалило,

Кабы не – (как руку в жидкий чугун) –
Ломоть испарений.

А у нас в РСФСР знаменито:
Полным-полно красоты.
В волнены застывший океан гектаров
Перетрагивается ветерком:
Зелен да хорош, хоть навсегда.

Ласкова да длинна, что текучий взгляд,
Речка бросается из-за поворотов,
Из-за загнутых ресниц бережков,
Хоронящих тихого мужичка,
Который которого видит издалека.

Корова хлыстом хвоста
Слепня под брюхом не доставая
Блаженно разбивает коленкой
Свежую заросьль озерка;
Спокойно несёт
Природой и быком наставленные рога.

Тарантас равнодушно тренькает
В своих неудобных объятьях
Окаменелого седока и
Владельца выезда, подающего признаки жизни.

Плавучий индюк раздувает грязную палитру
С выдавленными тюбиками хамелеонной краски
В генитальных подробностях головы.
Вот у завалинки, мягко просматривая пташек,
Сладострастно продрожал хвостом.
Розовый, облупленный старик
Что-то соображает беззубым ртом.
Распетушившаяся курица описывает букву «с»,

Имитируя бунт супружеской обязанности.
Старуха шамкает глазами ветерок,
Несущий во вздохе вольные благовонья и жилые
вони.

Собака смеется, потягивается,
На локтях волочит живот по прохладной землице.
Ребёнок важно прёт младенца:
Галдит и гадит непосильный груз.
На медленной глазам поляне,
Где гниют предков гробы,
С косой пляшут поселяне.

Пехота женщин, как серпы,
Сбирает белые грибы.

Балансом взаимных желаний
Из животов, покорных мужу,
Робята просятся наружу,
Чтоб быть на первом плане.

§ 9

Опять подстрочным примечаньем
Вытягиваются губы ночи
На розовое тело с очами,
Сквозь розовые очки. Очень
Очаровательные полотна,
Писаные в моих странах,
Предлагаются беззаботно
Г. Руссо да Л. Кранахом.
Братцы, с большим удовольствием
Подставляю лысеющую память
Под ваши светотени. Вам ведь
Считается солнцем толстым:
Мне тож. Когда испареньем

Подымается лёгкая земля,
У меня возобновляется
Мысль, что мы не стареем.

§ 10

Конь волочит машинку для стрижки лугов:
Плавно ползёт,
Перепархивая с места на место,
Большое, изящное насекомое
Из породы неземных.
У трав подкашиваются ноги;
Не зудится рука;
Не размахивается плечо.

§ 11

Что качаешь цветик
Бледной головой:
Ведь на этом свете
Мы живем с тобой.

От луны лимонной
На моем лице
Натекает сонный
Взор, забитый в цель.

На седое ухо
Выпала роса
Наклонись, понюхай
Прежние глаза.

Убедись воочью,
Жадная трава,
Как сегодня ночью
Ты меня сорвал.

Вижу, улыбается
Маленький цветок
И вежливо наклоняется
С запада на восток.

§ 12

Утро весеннее вспыхивает
Глубокой, бенгальской водой.
Летний день запихивает
Под солнце облака с травой.

Осенний вечер сопит,
Опорожня поднебесье.
Зимняя ночь имеет вид
Лунного события в пьесе.

§ 13

Распилен лес
Тропинками, проходимыми и нет.
Расколот на деревья, кусты,
Мхи, грибы, сучья,
Прошлогодние листвы,
Куски небес,
Гомоны птиц-невидимок,
Ответы ветру тресками и визгами дерев,
Безмолвные речи ручья.

§ 14

Точно речка в море, –
Я в тебя вошёл – впал.
Сначала пресен и мал;
Но с каждым шагом глубже
Просачиваюсь сквозь тебя;

В тебе с тобой поспал;
На здоровье, дорогой,
Выводи на опушку.

§ 15

Мимо речки, стянутой к затылку
Нырянем и полотенцем,
Оглядывается, по́ боку с младенцем,
Зажиточная кобылка.

§ 16

Станция, вокзал, полустанок, разъезд.
Мальчишечья рогатка,
Заряженная поездом,
Натянутая до отказа
Паденьем отъездных секунд;
Где замирается боязно;
Откуда – в память:
Полосатая мякоть
Мягких купе,
Твердая махра́
Крашеного дерева,
Да двери, двери, двери во
Все стороны: –
С красных заломов,
С хвойной зелени,
С пыльной палёной желтизны,
С редкого синего зелья.

§ 17

Поза, принятая с прощанья
И забытая под раздумьем,

Дает себя знать и меняется
От зачесавшейся, выступившей
– «Разлуки – ты – разлуки».

§ 18

В матрасном избытке
Потенциального отдыха
От жужжанья наружу –
Покой, будто в ампуле гомункул
В текущей быстроте окрестностей;
Будто дрожащая светотень, как студень,
Наполняет нутро вагона,
Дерётся косяками спальных полок,
Треплет глаза полыханьем свечи.

Кислый перегар ёглия
Подчеркивается крутым яйцом
Прожорливого соседа.

Исподволь друг друга оскорбляя,
Осторожно снюхиваются ездоки,
Еще неуравновешенные, как лебеди
Посуху, как мухи в молоке.

Внезапная симпатия меняет припасы
На «откуда – куда – едете»;
Вспыхивают папирозы и откровенности,
Исповедями бьющие через край:

§ 19

Потягиваются, давая осечки,
Трубы отопленья.
Природа берёт своё,

Распахивая мохнатым дуновеньем полотен
Щекотные струи
Мыла и уборной.

§ 20

Храпя величественно,
Застыл байбак.
Встречной милочки личико
Водит лапкой байковой.
«Какая вы», «какой вы», «вы» –
Вотмашь с ног до головы,
Сердце наголо, наголо:
Гуд-бай-баю... баюшки: – рассвело.

§ 21

Дальше, больше, дольше, крепче
Натягиваются нервы воспоминаний,
Где чище, глубже вознесена не
Разлука, а память о встрече.

§ 22

Нежный сигнал мокрого рожка
Выгоняет вагоны со станций
На товарные поля,
Рельсовые паутины,
Что расцветают лакомыми огоньками:
Грушевый, апельсинный, лимонный,
Черносмородинный, мятный, малиновый.

§ 23

Еще согибаются ветви,
Заглядывая в окна;

Еще машут знакомые шкурки деревьев;
Но пыльным сияньем зарева
Пыщет существованье города:
Стрекочут по глазам
Пулемётные ленты фонарей;
Пока ещё как деталь,
Уж доводящая сознанье до абсурда,
Ручной, неистовый, детский
Тявкает в пригороде трамвай.
Последне ощущенье тормоза,
Будто живущего внутри тебя;
Суетлива рассеянность
На качающемся от неподвижности перроне.

§ 24

До крайности необходимо, чтобы
Усвоить географию,
Смотреться в Лихо... боры
Аль съездить в типографию.

§ 25

Да вот она,
Носу памятная громадина.

Поддельным светом фосфоресцирует
Фотографическое мерцанье цинкографии.

С египетской фрески поглядывает
Циклопическая влага литографии.

Широкий гул включённой тяги
Пробит громовым раскатом тележки
Иль скрежещет переключаемым мотором.

Машиночка, машинка, машина, машинница,
Жми, дави, крути, маши, тяни – действуй:
Чтоб те сноси не было!

Равномерно аплодирующая «американка»
Осторожно задумывается на переломе движенья,
Машинально освобождаясь и наполняясь
Умными руками «американца».

«Плоские» бережно прожёвывают лист,
Направляемый сверху привычным взмахом
накладчика:
Падает лист, оживлённый свежей печатью,
Овеивающий с деревянных пальцев веера
Внимательное ожиданье приёмщицы.

Выстуканная и выслушанная ротация
Послушно и самостоятельно отдувается,
Выпивая с рулона непрерывный водопадик бумаги.

Повышена фабрика на этаж и октаву
Женским гомоном голосов
В брошюровочной и переплётной.
Средь потного дыханья клея,
Средь бумажных завалов
Потайные гильотины резальных станков
Окунаются, как в сливочные масла,
В каменные пласти бумаги.
«Фальцевалки» всеми струнами фибр берегут лист,
Внезапно отмечая его нитяными укусами.
«Тачалки» звонкими собачонками огрызаются,
Источая струю проволочного яда.

Стереотипная – чортова кухня – блистает, –
– Средь инквизиционных дыбов, прессов, пил,
Ухватов, кочерёг и деревянных молотков, –

Слитками и стружками матерьяла.
Металлические операционные столы с телами
Захлороформированных форм набора.
Под нависшими прокопчёнными кáпорами
Плиты с котлами плави.
Слоеная маца матриц
Близ плоской и выгнутой тяжести стереотипов.
Мозги слипаются и глаза теряют память
В зелёной корректорской заводи.
Когда шуршит бумажная тишина
Бесчисленными толпами букв, –
Безмолвно гудит механизированная голова
Концепциями высокого напряженья и внутреннего
сгоранья.

Метранпаж намечает порции оригинала:
На линотип – горячие сгустки строк
Налить из тупого и педантичного автомата;
На типограф – выдоить такие же строки
Из вежливого головастого уродца:
Поклонился, и прядью спадают
Струны волос, чуть не до полу;
На монотип – в грохоте разрывных капель букв
Закончить изящный двойной процесс;
На ручной – на высокую сознательность
Квалифицированной рабочей силы,
Чтоб чистейшим был сложнейший набор;
Заголовки, титула, обложки –
В акцидентный, на мелочá;
Верстальщикам портянки надорванных гранок.
Тискальщик равномерно занимается физкультурой.
Посасывает скрежет и чавканье машин.
Густо благоухает чад гарта и краски.
В тупом, головном, металлическом испарены
матерьяла
Наборная – на полном ходу.

§ 26

Осенний вечер шипит, как содовый
Напиток, нашлепывается, бухнет,
Валил недоброкачественной кухней
Распахнутого жилья,
Хлюпает взмокшой обувью.

Истеченье осени отвратительно
Длится, кашлем шевеля
Внутренность каждого жителя.

§ 27

Житель города – морской:
От слов «мор» и «mors».

§ 28

Хлев наш насущный!
Начинаясь «а», «б»,
Азбука горожан
Продолжается абортами, презервативами,
Тэбэцами, холусами, раз-два-трипперами,
Импотентами, лезбабами, педераками, –
– Чтоб кончиться законным наследством
Преждевременной смерти.

§ 29

Сто голов –
– С больных да на здоровую –
Один ум.
Симпатичный шантретик,
Глаза вы карие, медный лоб.
Втянуты наливные щёчки,
Губки бантиком, до ушей,

Того гляди лопнет, сломится
Тоненькая, воловья шейка;
Очень косая сажень в узких плечах,
Впалая грудь колесом,
Антоновками набухли дряблые мошонки грудей;
Возьми руку, как спичка, загребущую,
С могучих бедер узкого таза,
С эластичного живота,
Повисшего над курчавой плесенью паха:
Не виши рази, что не в свою тарелку,
А в баленство матка выпадает.

§ 30

Простуженная всеми студнями,
Бездетная детоубийца,
На старости лет, при смерти,
Слышит из пятого своего этажа,
Как на улице стройный хор
Не по-людски проросших abortвецов
Нетутошним баритоном вопит:

«Ма-м-ма!»

«А кто, спросите, были их мамаша?»
Вот суккина... «Да вы, чего лаетесь?
Конечно, дело прошлое, не монашка»...
Вот и прославитесь.

§ 31

При нашем скученном жилье,
Да при занятом времени
Недосуг нам романиться:
Особенно по зимам,
В особенности с девушками,
С коими от знакомства до поцелуя

Месяцев на́ шесть времени,
Верст на триста пеших гулянок,
Пьес на десять разговору:
– Экой нерациональный расход.

§ 32

Косоглазенькая лапочка.
Смазливенькая сметанка.
Интимная пупочка.
Яблочная родинка.
От каждого поступочки
Как жидовочка. Как уродинка.
Как вся тут без останка.
Латышка – подмышка.
Хохотушка. Кацапочка.

§ 33

Он длился:
Этот ночь, день, утро, вечер, вечность, закат;
Простиral свое состоянье
На каравай дремучего неба.

Играет наша природа
В эдакой тонкости темпа:
От разлагающейся гнойкоты,
От маринованной голубизны,
От боли, длинно прижатой
Отрицательным звучаньем пауз.

§ 34

Никогда этого не слыхано, чтоб ты
(– Чтоб я изныл! –),
Как и другие дивчаты,

Чуя, что я чуть не задыхаюсь
Желаньем задохнуться в твоих губах,
– Чтоб ты: –
Не позвонила по телефону:
Не в службу
(4-75-86)
Так в дружбу
(5-94-57).

§ 35

Уж слышу: свистящее tremolo
Предутренней сварки трамвайных рельсов,
Да холостую трель
Проверки милицейского поста.
Уж вижу: как жидкая темнота,
От верхушек деревьев поотстав,
Продирает взор,
Чуть перекосив
Чуть не ту ж краюху вечера.

§ 36

Он мало понимал, и жил,
Не подымая век,
Когда его остановил
Любимый человек.

Её потом забыл, а ласковость
Запомнилась им навек,
И было чем прополоскивать
Пустой от сна ночлег.

Любимицы растают пуще,
Чем прошлогодний снег.

§ 37

Так пусть же:

§ 38

Разнесло рассветное небо
Плавным дыханьем цвета.

Без мифологических выдумок
И я – просто-напросто –
Дышу навстречу.

6.V. 1930

*Переписалось
и отдалось
24.VI. 1930*